

**ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ**

Глава 1

Полуденное солнце пылало. Черные шмели метались с отчаянным гудением, норовили нырнуть в белоснежные цветки высоких кустов жимолости, словно опасались, что солнце сожжет все вокруг: и просторный двор архиепископа архангельского Варнавы, и ближайšie деревни, и дальний ельник, врезанный темным прямоугольником в прозрачное северное небо, и сбившиеся вместе, будто медвежата, девять островов на Северной Двине. Вода в реке неплохо прогрелась для конца весны, и местные мальчишки уже всюду мутили воду под корягами да корчами — чтобы было сподручнее поймать голыми руками рыбу.

Михайло для своих девяти лет тоже ловил рыбку шибко. Как у остальных ребят, это было любимым его развлечением, хотя мать и запрещала подходить к реке — боялась. Хотя чего было страшиться? Дядька Потап сказал, что жить Михайло долго и воды он может не бояться. Дядька был из рода местных шаманов, или, как их называли тогда, нойдов, — Жизнь Рекущих. В прошлую седмицу Михайло с матушкой плавали на лодке к нему на изумрудно-зеленый Долгий островок. Дядька срастил Михайло расцарапанную котом Мурманом губу за мгновение. Приложил высушенную шкурку палтуса, пошептал что-то — и готово!

Михайло лениво пошевелился, подставил круглую физиономию под солнечные лучи, проникающие сквозь листья осин. Кроны деревьев отливали розовым и золотым цветом. Было ветрено, и по стволам деревьев и траве весело метались солнечные зайчики.

Михайло достал из кармана портков несколько монеток, подбросил. Три полтинника легли вверх ликом императора Петра. Михайло замер от неожиданности — такая редкость! Он, не

веря глазам, потер монетки ногтем — к добру! Верно предрекает дядька Потап, что, мол, через год Северная война с лихими шведами закончится! Все к тому идет — взрослые в деревне недавно обсуждали смерть презренного шведского короля Карла. Скоро жить простому деревенскому люду будет радостнее и богаче.

Михайло прислушался к голосам матери и деда Ивана, доносящимся из открытого окна. Похоже, мать выйдет не скоро, а она обещала сходить с сыном на ярмарку в Холмогоры, купить пряничные козули.

Жаль, что с ними не может пойти дед. Он болел. Именно к нему — навестить и передать гостинцы! — поднялась матушка Михайло.

Дед Иван, отец матери, был любимым — он ведал всякие необычные чудесенки или часто рассказывал Михайло сказки о мороженных волках, Добрынюшке Микитице да удивительном синем царстве Кудревана. Дед служил дьяконом местного прихода, много читал, знал все обо всем, и он, Михайло, хотел походить на него. Именно на него, не на отца.

Отец с неделю уже как готовился на семужий и тресковый промыслы; на днях станет с собой звать Михайло, уговаривать, твердить, что его сродные братья Дорошка, Лучка и Афонька давно уже ходят бить всякое зверье и добывать рыбу, хоть и ненамного старше. Михайло бы отправился с отцом — интересно же по морю пройтись на своем кораблике! — но мать на промысел идти не разрешит, и в доме опять начнется размирье.

Родители Михайло жили плохо. В доме полыхали ссоры или стояла обиженная тишина. Ее мальчик научился переносить спокойно. Для Михайло было привычным, что, когда отец дома, нельзя бегать, прыгать, шуметь; нужно говорить тихо и пристойно, а ежели отец задаст какой вопрос, вставать, опускать почтительно голову, отвечать тихо и правдиво.

Авторитет отца в здешних местах был непререкаем. С ним не то что не прекословили, но никогда даже не возражали; не подчиниться ребенку воле отца считалось позорным. Так учи-

ли всех детей. Но в отличие от остальных Василий Ломоносов никогда не играл со своим сыном, не привечал его, не смотрел ласково в добрую минуту. Казалось, какое-то обстоятельство не дает ему это делать. Михайло о том не думал. По малолетству он даже прятался под кровать в светлице, когда родители начинали кричать друг на друга, да так люто, что сердце от страха останавливалось. Отец в сердцах мог хватить кулаком по стене, пихнуть сундук с одеждой, смахнуть с печи кувшин с клюквенной водой. Тогда мать хватала Михаила в охапку и бежала сюда, в монастырь, к деду. Ее принимали запросто, ведь здесь она жила еще девочкой.

Михайло не признавался себе, но в последнее время закралось в его душу подозрение, что мать потому ругается с отцом, что хочет вернуться в архиепископскую усадьбу и ищет для этого повод. Жесткое поведение мужа давало ей такую возможность.

Отец же праздное пребывание жены и сына на монастырском дворе не поддерживал. Он требовал, чтобы жена оставалась дома, хотел видеть Михайло вместе с ним на промысле, чтобы он, как его ровесники, днями и ночами копошился у лодочного амбара, среди сетей, досок и весел. Мать же настаивала, чтобы сын учился писать и читать, начал изучать латинский язык. К ее радости, мальчик любил монастырь больше, чем дом отца на отшибе деревни в болотистой низине, окружающей пологую Палишину гору, недалеко от которой, на берегу Северной Двины, располагался сам монастырь. Михайло чрезвычайно нравилось по вечерам листать красочные манускрипты, принесенные из богатой монастырской библиотеки, а утром открывать глаза под красивое низкое пение монахов и протяжный колокольный звон. Еще Михайло любил гулять в архиепископских яблоневох садах, наблюдая за всякой живностью и слушать неспешные беседы святых отцов о римском пиите Сенеке и его учениках. А вот жалобы мужиков рыбной артели на ненастную погоду и матросов с отцовского корабля — гукора на несправедливые выплаты по договору были ему неинтересны.

Книг у мальчика в архиерейском доме было много. За всю жизнь, наверно, не перечтешь. Тем более что приходится в чтении делать перерывы — отец прямо-таки зверел, когда видел Михайло дома с книжкой. И ежели мать читающей заставал, тоже кричал.

Михайло, как мог, мать защищал, а она смотрела на него со слезами, но с одобрением. Отец зло щурился, кусал тонкие губы, широкими шагами уходил в гридницу — мужскую половину огромного дома, хлопал дверьми.

О том, что матери не в радость быть женой Василия Ломоносова, Михайло знал. И ведал — почему! Она «не хотела»!

— Как это «не хотела»? — спросил Михайло ее, услышав эту фразу впервые. Он был тогда совсем маленьким. Мать погладила его по голове и вздохнула.

— Большой ты какой! — сказала мягко и печально. — Отец, кабы увидел тебя, возгордился бы!

— Он гордится! — прошептал Михайло застенчиво. Не от ласки, нет, она ласкала его часто, а от странного ее тона.

— Будем надеяться! — кивнула она и призналась: — Я очень желала бы, чтобы он тебя увидел! Ладный ты какой, сладкий мой сыночек, Мишенька, высокий, широкоплечий, с красивыми скулами, весь в него! И ямочка на подбородке есть у тебя, и губы какие четкие... В его ты породу, а он — в родстве аж с Рюриковичами! Он тебя увидел бы — полюбил!

Михайло удивился. Про что это толкует матушка? Как это — «весь в него»? Путается родимая! Он не был похож на отца — это подмечали все. И отец вроде как в вину жене это ставил.

— Понесла бы ты от меня, женушка! — иногда в редкую минуту ласки просил он, смиряя бас. — Хочу, чтобы дитенки на меня походили.

Но мать при таких словах мужа поспешно отступала от него.

— Нет! Ни за что!

Что бы это все значило? Любопытство терзало мальчика, но самый очевидный ответ не приходил ему в голову. Может быть, оттого, что не знал он о таких случаях. О семейных неурядицах на этих суровых северных землях даже сплетен не было, так дружно или, на худой конец, смиренно жили все в округе. В том была заслуга святых отцов местного Спасо-Преображенского монастыря, которые тщательно блюли нравственность во вверенной им пастве. Иначе в этом суровом крае с холодными затяжными веснами и ледяной зимой было не выжить.

Михайло глубоко задумался, подкидывая свои монетки, и вздрогнул, когда одна из них ударилась о косяк двери и тревожно зазвенела.

И тут же из окна раздался ясный голос матери, полный невыносимого страдания.

— Как ты мог, отец?!

Горячая дремота тут же слетела с мальчика. Он вскочил, забыв про деньги, и взлетел по лестнице наверх, к больному деду. И остановился, узрев необычную картину.

Мать стояла возле кровати деда, вскинув руки, будто соколица, и даже не обернулась на шаги сына.

— Ты мне жизнь сломал! — кричала она прямо в лицо деду так пронзительно, словно ей охотничьим ножом вырезали из груди сердце. — Я так ждала его. Он обещал вернуться! А потом надежда умерла, и я решила, что он забыл меня. Все эти годы я погибала от этой мысли. Я не могла дышать, смеяться, не смела жить. Не нужна! Не любя! Глупая и ненужная девка, каких сотни, попавшая в капкан грубых мужских лап! Мне было так невыносимо, отец! Боль разрывала меня каждый день, каждый миг! Он — первый, о ком я вспоминала, просыпаясь! Он — последний, о ком я вспоминала прежде, чем провалиться в черный сон! Как я терзалась — рассказать нельзя, потому что боль можно только чувствовать! Не придумали таких слов! Я все эти девять лет старалась его забыть! А он, значит, посылал за мной?! За нами?!

Болящий дед, до этого неподвижно лежащий в постели, неловко пошевелился.

— Ты прости меня! — шелестели его бледные губы. — Но я не мог тебя отпустить! Он не желал жениться, но хотел позорно наложницей тебя в дом взять. И мальчика моего! Как бы я без внучонка тут жил?!

— Какая мне теперь разница?! Я уезжаю!

— Куда ты?

— К нему! Он ждет меня!

— Не ждет!

— Лжешь!

— Он тебя забыл, потому что я ему сказал...

— Что?!

Мать так резко и иступленно ринулась к деду, что он, жалкий, больной, с черными кругами под выцветшими глазами, вжался в подушку.

— Приезжал не он, а его человек! — произнес он хрипло. — Всех спрашивал! Он сам даже не подумал явиться!

— Что ты ему сказал?! — голос матери, будто нежная голубка на нити, запутавшаяся в жестоких тенетах, истерично взлетел.

Дед поднял руку, но не смог дотянуться ни до одного из трех медных крестиков на груди, скрюченными пальцами ухватился за край ворота.

— Мне так тяжело, дочка! Пришел, видно, мой последний час! Бог решил прибрать меня, да и матушка твоя Аграфена меня заждалась, видно! — Дед сглотнул и широко раскрыл рот. — Позови святых отцов! Я отхожу...

Дед часто и сипло дышал, глядя в потолок невидящими глазами. Михайло даже хотел вмешаться, сказать матери, что деду совсем худо, но не успел.

— Не позову! — крикнула мать. — Пока мне все не скажешь, пока не признаешься во всем!

— Я солгал ему, что ты умерла в родах, — прошептал дед. Из глаз его медленно заструились бессильные старческие сле-

зы. — И что сын твой тоже преставился! Прости мне этот грех, дочка!

Мать хрипло дышала.

— Значит, вот почему?! — прохрипела она. — Вот почему он не вернулся! А я его ждала! Я терпела грубость и невежество урода этого ненавистного, мужа моего, потому что ждала! А он меня не искал, потому что думал, что я умерла!

— Он венчался в Москве, сразу же как уехал отсюда! Ты ему не нужна! — сипел дед. Он, не отрываясь, глядел в потолок остекленным невыразительным взглядом. Жизнь утекала из него, будто из треснувшего кувшина. — Он был венчан, когда посылал за тобой! Он поддался искушению нечистого, да тебя хотел за собой утянуть! Сделать тебя приживалкой — никогда я на это не согласился бы! Моя дочь стирает белье срамнику и его жене — не бывать этому!

— Я готова все для него делать, только б быть рядом! Стирать, убирать, даже наряжать его жену в лучшие платья — все! Я не могу без него жить! Он для меня — земля, небо, солнце, весь мир! Только ему! Только для него! — кричала мать иступленно и зашлась в рыданиях. — Ах, что же ты наделал, отец!

Она задыхалась, хватала ртом воздух.

— Прости меня! — выдавил дед.

— Я терпела домогательства мужа, его жестокие насмешки! — перебила его мать, будто не слыша. — Сколько раз он хотел насилие надо мной учинить, чтоб я ему его детей нарожала! Я дверь запирала, сундуком тяжеленным подпирала, а он ломал! Я дрожала от страха, что он сыночка моего ненаглядного головой — об косяк!

— Да что ты такое говоришь...

— А то ты не знал?

— Нет!

— Я могла бы быть счастливой!

— Дочка!

— Ты искалечил мне жизнь себе в угоду!

— Прости меня!

— Нет!

— Я боялся, что никогда не увижу внучонка!

— Да разве я б смогла не дать вам видеться? Я бы и тебя взяла в Москву! Я не могла разлучить тебя с внуком. Я говорила тебе в тот проклятый день, когда ты здесь, в этой самой светлице, уговаривал меня не портить будущему ребенку жизнь, обвенчаться с этим перестарком Ломоносовым, чтоб не позорить несчастное дитя клеймом зауголка! Вот я была дура! Но я не знала, как это горько жить с одним, а грезить о другом!

Дед с трудом повернул голову, покосился на кружку, стоящую на скамье у кровати, но не решился попросить.

— Ты украл у меня девять лет жизни, а теперь винишься, как разбойник, как подлый тать — душегуб! — повторяла мать, ломая руки.

— Прости мне этот грех!

— Я проклинаяю тебя!

— Доченька!

Дед оперся дрожащей костлявой рукой о кровать и с неимоверным усилием привстал.

— Прости меня! — шелестели его побелевшие губы.

— Нет! — отрезала мать. — Никогда!

— Прости!

— Ты мне больше не отец!

— Что ты такое говоришь, Еленушка!?

— Я проклинаяю твою жадность, алчность и себялюбие! Ты думал только о себе! Ты не любил ни меня, ни своего внука!

Дед прерывисто вздохнул, широко открыв рот, неподвижно глядя в исступленное лицо дочери. Рука его задрожала, подломилась, и дед свалился, ударившись виском о выступающий край кровати. Он вздрогнул, вытянул ноги и замер в неудобной позе.

— Батюшка! — вскрикнула мать в смятении, поняв, что случилось. Она упала на колени перед кроватью, в ужасе схватила отца за руки. — Батюшка, не уходи, не бросай меня!

Но дед не шевелился.

Мать резко вскочила, но тут же схватилась за горло, захрипела и вдруг ничком упала на скамью.

Михайло с пронзительным криком бросился к ней.

— Матушка!

Он рухнул рядом с ней на колени, заглянул в ее совершенно белое лицо с остановившимся взглядом. Рука ее елозила по шее, все слабее дергала нитку речного жемчуга, словно что-то искала, спустилась вниз, пыталась порвать плотную ткань темно-синего летника. Вдруг мать замерла и мягко осела на пол.

Михайло вскрикнул.

Ужас потряс все его существо.

— Матушка! — затряслись его губы.

Тишина.

Мать с совершенно белым лицом лежала неподвижно.

Михайло отполз от нее на коленях, вскочил и кинулся к другому родному своему человеку в напрасной надежде найти защиту и утешение.

Он схватил деда за руки и замер.

Мертвые выцветшие глаза деда уставились в потолок. Смерть еще не успела слизать краску жизни с его лица, и на морщинистых щеках все еще оставались крупные слезы. Одна медленно скатилась и упала на подушку, оставив небольшое мокрое пятнышко.

Михайло зажал себе рот обеими ладонями.

Два его самых любимых человека были мертвы.

Глава 2

Потом Михайло никогда не вспоминал эти похороны. И душераздирающую сцену рядом с мертвыми родными тоже. Только горло саднило — он зашелся тогда в крике и слезах. Прибывшие монахи еле оттащили его от матери и деда.

А позже и вовсе осталось в памяти одно — как на кладбище пронзительно кричали черные вороны, метались в небе, сади-

лись на сытую жирную почву на могилах, жрали извивающихся розовых червяков, во множестве вылезающих из-за дождя из земли.

Дядька Потап — кряжистый человек, сам поперек себя шире, с горбатым носом и пронзительными черными, будто угли, глазами — сунул Михайло половинку медовой коврижки.

— Ешь! Когда тебя еще покормят! — прошелестели его скорбно сложенные губы, когда он подсаживал Михайло на телегу, которая должна была отвезти его домой.

Михайло, чтобы не заплакать, сунул коврижку в рот. Он глядел, как по грубым складкам короткого дядькина плаща-совика с длинным капюшоном стекают капли дождя. Дядька Потап погладил его по голове.

— Знаешь, что такое семена? — спросил он неожиданно.

— Да! — прошептал Михайло, не понимая.

— А знаешь, что они прорастают только в темноте?

Михайло вскинул глаза.

— Окажешься в темноте, — тихо и очень значительно предрек шаман, — помни, что в тебе растет семя.

И отошел.

Дома в своей светлице Михайло упал на постель. Вид стоящей напротив кровати матери, с аккуратно разложенным синим покрывалом и двумя алыми подушками, заставил его разрыдаться. Он плакал бесконечно долго, обхватив обеими руками прялку матери, расписанную красными конями и белоснежными оленями.

Маленькое сердечко его горело, не вмещая горе. Ему казалось, что его привязали, как щенка, на жестоком сквозняке: над ним несутся опасные черные тучи, плачущие дождем и крупным градом, ледяной безжалостный ветер нажимает на спину, и, как ни сворачивайся или сжимайся в комочек, нет больше никакой надежды на тепло и свет. Да и будут ли они в его жизни еще когда-нибудь? Страшное предчувствие охватило его.

Ах, и зачем только мать пошла к деду? И зачем дед признался, что «он приезжал»? Так и хранил бы свой непонятный,

никому не нужный секрет! Ведь жили же отец с матерью вместе! Ну ссорились иногда, так сродник и ровесник Афонька рассказывал, что и его родители иногда спорят, да так, что хоть из дома на протоку убегай! Деньги меж собой делят, разбогатеть желают... Дед облегчил душу, рассказав все дочери, но оставил сиротой его, своего единственного внука, которого, как говорил, любил больше жизни! Как так может быть?

Михайло не мог всего этого понять. Уютный мир, полный любви и заботы, в котором он до сих пор пребывал и плескался, как золотая рыбка на теплом мелководье, вдруг разбился, разлетелся на осколки, и он чувствовал, что собрать его не получится уже никогда.

Ребенок впервые в жизни ощутил на губах страшное, соленое это слово «Никогда!» и вновь затрясся от беззвучных рыданий.

— Михайло, подь сюды! — отцовский злой крик донесся снизу, из горницы, заставив мальчика испуганно вздрогнуть. Он заметался, будто мышь, не зная, куда спрятаться. Настоящее накладывалось на призрачное прошлое, отодвигало его, превращаясь во что-то неумолимое и реальное! Воспоминания, увы, не существуют в действительности!

— Михайло! — новый окрик был будто ладонь, щелкнувшая по затылку. — Иди, говорю, неслух! Вот я тебя хворостинной перетяну!

Михайло быстро отер слезы и обреченно поплелся к лестнице. Увы, дети не могут противостоять миру взрослых, ибо зависимы от него совершенно. В силу незнания о тех, кто может им помочь, в силу того, что закон всегда на стороне взрослых, пусть они тысячу раз жестоки — детям приходится смиряться, подчиняться, прятать собственные мысли и чувства, даже если они разрывают их сердца на части.

Из всех непонятных, плохо осознаваемых еще чувств, которые переплетались в беспокойной душе Михайло, ребенок мог выделить сейчас только одно и самое сильное — страх. Он не понимал взрослых, он был обескуражен открывшимися тайна-

ми, не мог никак принять, что весь его детский мир, вчера такой понятный, сегодня оказался ложью! Все вокруг обманывали его, стыдливо прятали, будто в подвальном леднике, страшные семейные тайны, и вся правда могла никогда не раскрыться... А он так бы и жил, доверяя им всем и искренне считая, что знает все про всех!

Спускаясь по узкой лестнице в горницу, Михайло замедлял шаги и, в конце концов, остановился на нижней, самой широкой, ступеньке, сцепив руки за спиной.

Страх еще сильнее захлестнул его душу, когда отец, недвижно сидящий за квадратным столом, на котором стоял кувшин, две кружки и щербатая миска с кислой селедкой, поднял на него тяжелый взгляд. Его густые, выступающие вперед черными жесткими волосками треугольные брови сердито сдвинулись. Михайло, разглядывая отца будто в первый раз, обнаружил, что действительно мало походит на него.

Перед ним тяжело сидел смуглый, кряжистый мужчина с непривлекательным узким лицом, подозрительным прищуром выцветших темных глаз и носом-уточкой над синеватыми губами. Несвежий черный платок на его шее некрасиво свисал на полосатую серо-белую рубаху, заправленную в черные широкие портки.

— Ну и где все твои защитники? — нехорошо усмехнулся отец, оттягивая платок вниз, словно тот душил его. Михайло впервые в жизни заметил, какие огромные у отца руки — в синих выступающих венах, с короткими тупыми пальцами. — Больше никто не начнет причитать над тобой, крыльями махать: «Не трожь его! Он еще маленький! Не подходи, он — полета другая птица»!

Слова эти не сразу дошли до разума Михайло, а интонация — скорее не злобная, а печальная! — поразила. Он продолжал растерянно глядеть на отца. Только сейчас для него дошла неприятная истина — он остался вдвоем с человеком, которого, оказывается, почти и не знал и который, похоже, не особо его и любил.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru